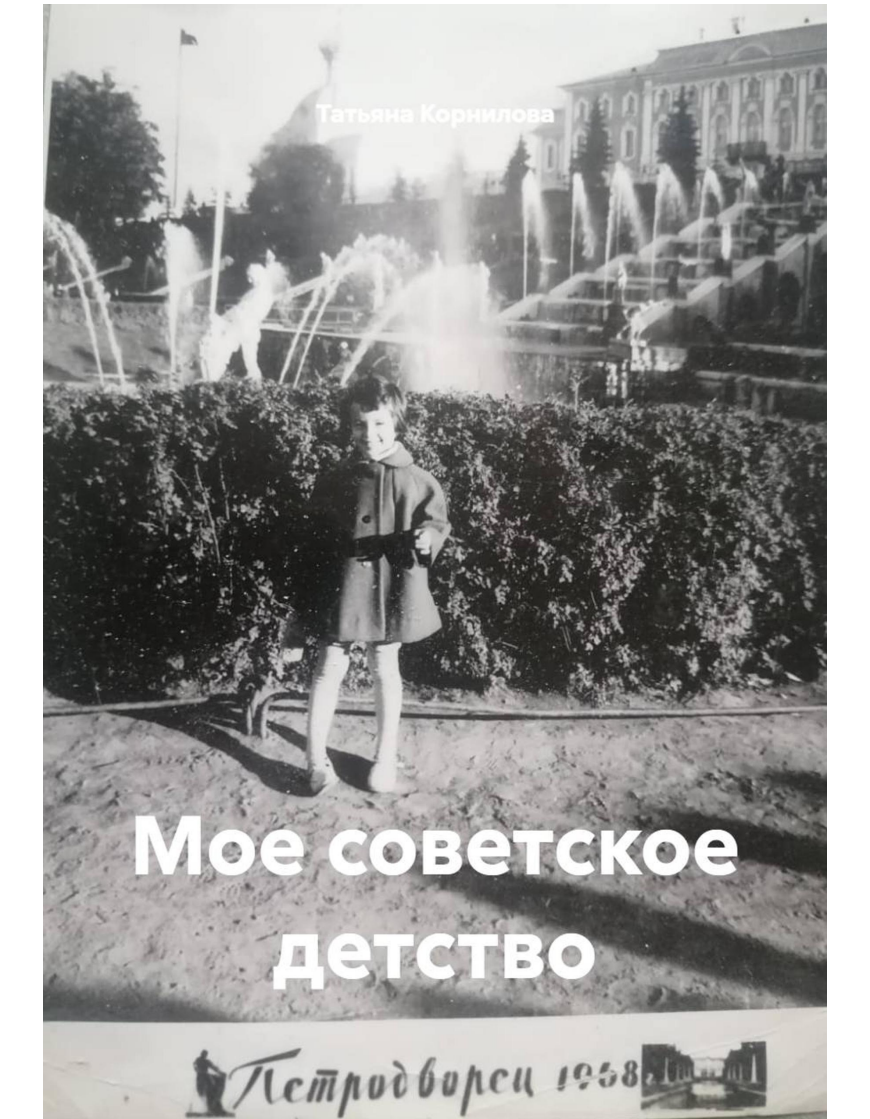

Татьяна Корнилова

Мое советское детство

Петродворец 1958

Татьяна Корнилова

Мое советское детство

<https://litres.ru/74295962>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга посвящена впечатлениям автора о детстве в СССР, его горестям и радостям

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Татьяна Корнилова

Мое советское детство

Глава 1

Бабушке и маме, блокадницам, научившим меня всему, что я умею делать, посвящаю эту книгу.

«Собака-бабака, я тебя не боюсь»

Мне 4 года Я одна гуляю с санками в садике напротив дома, где мы живем с мамой, на улице Маяковского. Садик окружен решеткой со страшными ликами медузы-горгоны, идет снег. Горки там нет, поэтому просто таскаю санки по снегу за собой. Подошел мальчик и сказал: дай покататься, я знаю горку, и исчез с санками. Догнать не удалось, так я и выросла без санок. Это одно из первых воспоминаний.

Потом сквер реконструировали и там появился гранитный бюст лысого Маяковского, всегда засиженный птицами, а медуз-горгон куда-то увезли. Однажды в этом скверике я подошла к большой овчарке, дернула ее за хвост и сказала: «собака-бабака, я тебя не боюсь». Окружающие замерли, но собака оказалась с пониманием, и все обошлось без последствий.

За сквером на улице Чехова находится отделение мили-

ции, его крыша видна из нашего окна со второго этажа. Через два года, сознательная первоклассница, туда я отнесу найденную в садике на улице Некрасова, в воскресенье, в шесть утра дамскую сумочку с толстой пачкой денег и документы.

Я любила по утрам гулять одна, когда на улице уже никого нет и еще нет. В тот же день через несколько часов к нам в квартиру ворвалась хорошо одетая и благоухающая духами дама, одновременно плачущая и смеющаяся, с кучей шоколадок и с благодарностью.

Первая любовь

Следующее детское воспоминание – дача в Мартышкино и моя первая любовь. Мальчика звали Сережа, он был постарше меня, одет в оранжевую курточку и катался по улице на трехколесном велосипеде, за ним бежали мальчишки. Я, как зачарованная, следила за этой яркой курточкой, подошла, и не думая, сказала: Сережа, я тебя люблю. Ну и дура, ответил Сережа и поехал дальше в окружении ржущих мальчишек.

Дача так и осталась одним из самых светлых воспоминаний детства. Город я просто не выносила: там не было цветов, деревьев, и самое главное, грибов. Природа ограничивалась зеленеющим мхом в лужице под водосточной трубой и редкими походами по выходным в Летний сад – самый близкий культурный оазис к нашему дому.

Но там было скучно: холодные белые скульптуры, такие же холодные белые лебеди в пруду, к которому нельзя было подойти и пошлепать по воде. Иногда летом по выходным мы с мамой ездили в Солнечное на пляж. Однако все удовольствие портила утомительная дорога: сначала метро до Финляндского вокзала, потом пыльная электричка, потом длинная и жаркая асфальтовая дорога к пляжу. Тогда мне казалось, что за городом не должно быть таких дорог, потом все то же самое, но в обратном порядке.

Все эти испытания не стоили нескольких часов на пляже, к тому же, полным людей. Плавать я не умела, далеко заходить в воду было нельзя, да и залив был на километр по щиколотку, оставалось строить замки из песка на берегу. Однако песок Финского залива, слишком крупный из-за ракушечника, для этого плохо подходил: замки получались невысокие и быстро разваливались.

Киев

То ли дело был мелкий песок на берегу Днепра в Киеве, куда мы несколько раз подряд ездили на лето. В памяти остались пешеходный мост на Труханов остров, пляж, и, конечно, фруктовое мороженое за 7 копеек в картонном стаканчике, которого в Ленинграде тогда не было. Нравилось это не только мне, на мороженое прилетела оса и больно укусила меня за щеку.

А еще чипсы в целлофановом пакете, жирные, с коричне-

выми краями, крошащиеся, плавающие в масле. Пакет рвался, от масла оставались пятна на одежды, но такого неподражаемого вкусного в Ленинграде в мои семь лет тогда не было. Вареная кукуруза в початках, горячая и посыпанная крупной солью – верх наслаждения. С тех пор лето для меня - это Киев, хрустящие чипсы, розовое мороженое и залитый солнцем пешеходный мост.

Утро начиналось с включенного радио: «Девять годин, двенадцать хвылын, говорить Киив». Там я в основном была предоставлена сама себе и проводила свое время, объедая фруктовые деревья. За нашим двором на улице Фрунзе их было много: город характерен тем, что сразу за парадным сталинскими домами здесь могла оказаться настоящая деревенская улица с одноэтажными белыми домиками и шелковицей, круг под которой был обмазан глиной и куда падали вкуснейшие переспелые черные ягоды.

На очередную вишню или черешни я перелезала лишь, когда ягоды на той кончались, или когда было уже лень тянуться за очередной. С мальчишками во дворе мы трясли абрикосовое дерево, плоды которого называются в Киеве марельками, они падали на крышу пункта приема посуды. Там тоже было интересно: из деревянных ящиков для стеклотары мы строили целые дома, называвшиеся «халабуды».

Тогда же я притащила в дом первого подвального котенка, этот день и следующий помню плохо, насморк, кашель, слезы из глаз, затрудненное дыхание, скорая, и слова врача:

с вашей аллергией недалеко было и до отека легких.

Сам двор поначалу тоже встретил меня неласково: в первый день в Киеве я решила познакомиться с местными сама, вышла во двор, но даже не успела ни к кому подойти: получила камнем в лоб от девочки, чье имя помню до сих пор. Ирка Черпак. Было много крови, но еще больше непонимания. Шрамик на лбу остался навсегда.

Помню вечерние походы в кинотеатр под открытым небом на Владимирской горке. Я, привыкшая к белым ночам, очень удивлялась, как рано и быстро падает темнота в Киеве: половина девятого – и уже ночь. В том кинотеатре мы смотрели «Леди Гамильтон» с Вивьен Ли, «Парижские тайны» с Жаном Марэ, «Колдунью» с Мариной Влади: детская любовь к этим артистам и этой волшебной атмосфере под звездами осталась на всю жизнь.

Недалеко от Владимирской горки находился Выдубецкий монастырь времен крещения Руси. Как нам рассказали, назывался он так потому, что когда князь Владимир, пятиметровая статуя которого стоит на горке, крестил Русь, то приказал побросать всех языческих идолов в Днепр. Деревянные боги плыли по течению а язычники бежали за ними по берегу и кричали «Выдубай, боже!» (выплывай по-украински). Поэтому и монастырь называли Выдубецким.

Завораживающие впечатления остались от похода в Киево-Печерскую лавру. Там, в беленых сводчатых подземельях, в стеклянных витринах лежали мощи святых, закрытые

холстом от щиколоток до головы: из под холстины видны были только парчовые тапочки на тощих желтых ногах: очень интересно было, как все это сохранилось до наших дней и меняли ли им хоть раз обувь.

Еще одно воспоминание о Киеве – Пуща-Водица, природный парк. Туда мы ехали на трамвае, ветки деревьев по пути стучали в стекла трамвая и врывались прямо в открытые окна. Про Беловежскую пушу я к тому времени уже знала, особой разницы не видела, и мне оказалось, что из-за дерева на поляну обязательно должен выйти какой-нибудь зубр.

Еще из Киева помню огромный портрет Луиса Корвалана в витрине стекляшки на первом этаже на площади Калинина, с наклоненной седой головой, с внимательными темными глазами. Как раз тогда в Чили случился переворот, и равнодушных к судьбе лидера чилийских коммунистов, томящегося в застенках Пиночета, практически не было.

Там же меня поразила давка на троллейбусной остановке: подошел троллейбус и все по головам кинулись садиться в него. Была потрясена до истерики и слез: в Ленинграде в то время ничего подобного не было, и на остановках общественного транспорта еще стояли дисциплинированные очереди.

Ленинград

В Ленинграде мы с мамой живем на улице Маяковского угол Некрасова, в доме, где булочная и цветочный магазин.

Служебный вход цветочного выходит в наш подъезд, и там царят удивительные природные запахи, которым позавидовал бы любой парфюмерный магазин.

В булочной с угла продавались самые вкусные белые длинные батоны по 22 копейки, их выкладывали на решетчатые деревянные стеллажи невидимые люди с той стороны полок. На стеллажах болтались привязанные бечевкой – чтоб не украли, устрашающего вида металлические двузубые вилки, пробовать хлеб, но он и так всегда был свежим. Черный кирпичик стоил 12 копеек – его мы покупали чаще всего. Круглая белая булка с прижаристым гребешком была праздником.

Наша коммунальная квартира 13 на втором этаже, у нас – одна комната в 25 кв. метров, которую мы называли «два окна над подворотней», разделенная занавеской наискосок. Полкомнаты занимал кабинетный рояль Шредер, доставшийся от бабушки Крестмейна, в углу – белая кафельная печка с фигурными изразцами, зимой мы ее топим, летом в поддувале храним белые тыквенные семечки, которые привозим из Киева.

«Два окна над подворотней» выходят как раз на тот скверик, где у меня украли санки. Еще в квартире живут тетя Галя и дяди Миша, который по вечерам курит в коридоре в печную выюшку. Еще он курит на кухне, где стоят две черные газовые плиты, а к ним прикручены за отогнутые крышки консервные банки для бычков.

Мне всегда было очень интересно, а что это он делает, и однажды часа в четыре ночи я пробралась на кухню, вынула окурок из банки, подожгла и попробовала затянуться. Получилось отвратительно: полчаса полоскала рот. Это был мой первый опыт курения, позже в жизни были предприняты еще две попытки, но ни одна не получила продолжения.

Дальше по коридору в углу у туалета – комната тети Кати Горячевой, маминой подруги, удивительно красивой женщины, фантастически похожей на Эдиту Пьеху. Всюду по стенам у нее развешаны фото ее в длинном платье, и я все спрашивала маму, а зачем там столько портретов Эдиты Пьехи.

Певицу мы знаем хорошо, рядом только что построили новый концертный зал «Октябрьский и Пьеха смотрит на нас с уличных афишных щитов. Кстати, сама певица в то время тоже жила недалеко от нас, на одной из Советских улиц в соседнем Смольнинском районе.

На мой взгляд, тетя Катя гораздо красивее. У нее два сына Витька, чуть постарше меня, и Андрей, чуть помладше. С ними мы иногда гопничаем во дворе и прыгаем по гаражам на другой стороне улицы Маяковского, на задворках только что построенного нейрохирургического института имени Поленова.

Я долго не могла понять, почему Витька и Андрей носят другую фамилию – такую же, как у соседа дяди Миши, потом невнятными намеками мне было дано понять о чем-то

между тетей Катей и сыном пожилой четы, который с ними к тому времени не жил. Впрочем, в то время дела такого уровня меня интересовали мало. Помню только, как моя мама упрекала тетею Галю за то, что она «крахмалит мужикам постельное белье».

У нее же мы впервые смотрим «17 мгновений весны», все серии. У нас самих не было ни телевизора, ни холодильника, зимой продукты хранились между рамами и однажды там очень красиво лопнули две замерзшие бутылки шампанского, припасенные к новому году. Очень жалко было выносить на помойку две голубовато-зеленые пузырчатые продолговатые капсулы, которые так и хотелось лизнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.